

«СИМВОЛИЧЕСКОЕ» В СЕМАНТИКЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ (лингвокультурологический аспект)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Константы русской народной культуры в языковом коде: от бытового к бытийному» (грант № 12-04-00163).

Рассматривается проявление «символического» в семантике цветообозначений в русской народной культуре в лингвокультурологическом аспекте. Особенности цветообозначений исследуются на материале свадебного обряда сибирских старожильческих говоров Среднего Приобья. Для анализа взяты лексические обозначения цветов белый, красный, черный.

Ключевые слова: картина мира; культура; символические значения цвета.

Постижение мира народным сознанием происходило при помощи всех органов чувств, в связи с чем оценки, нормы, установки в народной культуре в значительной степени связаны с цветом. Таким образом, восприятие цвета является одной из важных составляющих народной картины мира, а «цветообозначения рассматриваются как фрагмент мировидения, способствующий формированию национальных языковых картин мира» [1. С. 1]. Исследование народной цветовой картины мира в современной науке является актуальным вопросом. Так, большое количество современных исследований строится на выявлении специфики отдельных культур посредством их сравнения с опорой на различия в сегментации цветового спектра в разных языках (Е.Н. Панов, Ю.Д. Апресян, Б.В. Касевич, Д. Лайонз и др.).

Также огромное внимание уделяется изучению взаимодействия языка и культуры, языка и процессов мышления, восприятия. Цвет, один из важнейших факторов восприятия и описания человеком мира, несомненно, выделяется учеными как моделирующий элемент народной языковой картины мира и является предметом изучения лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики. Главное место в данных исследованиях занимает изучение семантики цвета с позиции выявления ассоциативных, символических значений (А. Вежицкая, А.А. Залевская, А.И. Белова, И.В. Гете, Л.Н. Миронова). Говоря словами Ж. Вардзелашвили, «смысловые элементы культуры накапливают значения, разрастаются и символизируются. Переходя из одной эпохи в другую, они сохраняют свои константные составляющие. Эти смыслы передаются различными семиотическими кодами, самым совершенным из которых является человеческий язык, формирующий языковую картину мира» [2. С. 64].

Так, цвет в народной культуре очень часто наделялся символической семантикой. В фундаментальном словаре символов народной культуры «Славянские древности», авторы которого ставят целью описать картину мира древних славян, наименованиям цветов посвящены отдельные словарные статьи, в которых функционирование цвета репрезентируется на уровне обрядовой и бытовой символики. В корпусе справочника свадебной символики Северного Прикамья, авторы которого опираются на опыт «Славянских древностей», наряду с числовой, животной и растительной символикой, символами из мира природы и космоса, бытовой и производственной сферы представлены цветные символы. Например: «Алое. Ярко-красный цвет,

широко применяется в свадебных бантах, лентах и поясах как цвет плодородия. Алая лента – повсеместный символ девичества, ср. в плачах невесты при прощании с “дивьей красотой”: “Проиграла трубчату косу она со дивьей со красотой, она со алой со ленточкой, с дорогами бархатиночками” (Черд.); “В другом сундуке – дивья красота, ох, дивья красота – ала ленточка, ох, в третьем сундуке – бабья скима лежит, ох, бабья скима, подстригаленка” (Караг.)» [3. С. 196].

Цветовая картина мира русской народной культуры характеризуется консервативностью в использовании спектра цветообозначений. Наибольшее распространение получают оппозиции «белое – черное», «красное – белое», таким образом, народная картина мира основывается на цветовой триаде белый – черный – красный. Рассмотрим особенности цветообозначения в народной картине мира на материале свадебного обряда сибирских старожильческих говоров Среднего Приобья.

Белый цвет в народной культуре – один из основных элементов цветовой символики, противопоставленный черному и красному, как и лексические единицы, их обозначающие. «Белый и черный цвета находятся на полярных точках цветового спектра, а их названия и символика антонимичны. В символической сфере корреляция 'белый' – 'черный' ('светлый' – 'темный') может входить в эквивалентный ряд с парами 'хороший' – 'плохой', 'мужской' – 'женский', 'живой' – 'мертвый', отчасти 'молодой' – 'немолодой' (старый), 'ясный' – 'хмурый' (о погоде) и т. д.» [4. С. 69]. Данная символика реализуется в переходных обрядах, к которым традиционно относят рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство, повышение общественного положения, профессиональную специализацию, смерть [5]. Тексты, описывающие обряды перехода, в частности свадебный обряд на территории Среднего Приобья, содержат функционирование цветообозначения «белый» для обозначения переходного состояния между «живым и мертвым». Это реализуется в символическом значении цветообозначения «белый» – *символ смерти, потустороннего мира*.

Изначально белый цвет принадлежал похоронному обряду и символизировал смерть, о чем свидетельствуют белые похоронные и траурные одежды, белые цветы на могиле [3. С. 198–199]. Таким образом, свадьба трактовалась народом как посвящение девушки-невесты в группу женщин, которое символически переосмыслилось как «смерть». Данная семантика эксплицирована посредством лексем, обозначающих обрядовые действия, направленные на

уничтожение во внешности признаков незамужней девушки: *расплести косу / заплести косу, повязать платок, округлить и др.* и получает выражение в контексте: *замужняя женщина, баба, молодуха. Играют свадьбу целую неделю. Перед венцом невесте расплетают косу и заплетают, как у замужней женщины* (Том. Шег.); *Девка всегда с одной косой ходила, а уж бабу в две заплетали, и так она с двумя ходила. Под венцом она уж с распущенными волосами стоит, нет, косы нету. А когда из церкви приехали, за столом сидят, тогда ей косы заплетают. Сваха, крест заплетают, или каво-то содут. Одна одну косу, а друга – другую, вот и сидят и плетут. Штоб никто не видел, шалью или чем там закроют так* (Том. Зыр.).

1. Белый цвет венчального платья невесты – *Замуж выходила в двенадцатом году. Платье было белое* (Том. Салтым.); *На свадьбу все белое [платье] больше носили* (Том. Верш.), *Платье какое? Белое с цветами* (Том. Молч.); *Платьи на свадьбу не так что тёмные, а всегда светлые. Небесный свет [цвет], или совсем белы* (Нарым). В последнем примере актуализируется оппозиция «светлый – темный», что, скорее всего, свидетельствует о наличии у лексемы «белый» дополнительного значения в свадебном обряде как символа чистоты, непорочности невесты. Данное явление связано с утратой мифологического значения символа – смерть, потусторонний мир – и переходом его в разряд собственно-символов: белое (иногда просто светлое), а также новое платье – символ невесты: *Платьи кто каки сумет. [Белые?] Не обязательно. И вот счас дык все делают так один белый [цвет]. А тада у кого какое есть* (Трубач.). *Тогда у кого какое есть. Ну, большinstvo придерживались эти, как сказать вам, не розовы, а кремовы. У меня и счас ешо есть кремово платье* (Трубач.). О собственно-символическом восприятии платья невесты свидетельствуют контексты, в которых, помимо указания на цвет, делается акцент на качественные характеристики одежды: *покарасивше, новое. Платье, конечно, белое, али розовое, что покарасивше* (Семен.); *Было бело платье венчальное, потом розовое, кремовы пошли, буклевы платья* (Том. Кайтес); *Во время венчания невеста одевается в светлое новое платье и уваль* (Польк.).

Культурные оппозиции «жизнь – смерть», «свадьба – похороны» получают воплощение в погребальном обряде девушки, достигшей брачного возраста: *Если девушка умрет до свадьбы, то бело платье надевают, отведают* (Том. Верш.). Жизнь в традиционной культуре считалась успешной, если женщина прошла «через все биологические этапы, на которые запрограммировано ее тело» [6. С. 76]. Умирая в «брачном возрасте», девушка в интерпретации традиционной культуры на том свете оставалась невестой. «Загробная жизнь представляется одновременно и как продолжение земной жизни, и как ее восполнение. Поэтому покойника кладут в гроб с запасом одежды, часто с любимыми предметами, атрибутами его профессии» [Там же. С. 74]. В этом смысле белое платье невесты может трактоваться как символ принадлежности девушки к определенной возрастной группе. Данную мысль подтверждает ритуальное «возложе-

ние» в могилу элементов свадебного убранства, например свадебного платья [4. С. 70].

2. Белый цвет головного убора невесты.

Традиционный свадебный наряд невесты в обряде предполагал, помимо белого платья, головные украшения: вуаль (уваль), фату и венок (венец) из цветов: *Свадьбы раньше хорошо гуляли. В церкви венчались. На невесте свадебшное платье, уваль до самых колен* (Том.). *Уваль, цветы надевали на невесту: белые цветы, белая уваль, на голове бантом, сзади тянется уваль* (Верхне-Сеч.).

Важно отметить, что помимо основной символической семантики – смерть и рождение в новом статусе – лексемы, называющие предметы белого цвета в свадебном обряде, наделяются дополнительными символическими значениями. Символическое значение единицы вуаль связано с мифологическим переосмыслением признаков распространителей, акцентирующих длину вуали. В языческих представлениях длинная одежда способна защитить человека от проникновения потусторонних сил: *Под венцы надевали уваль, уваль длинна была, лицо не закрывали* (Бат.); *Невеста в ували была, в цветах. Уваль белая, как кисея, длинная* [7. Т. 3. С. 109]. Таким образом, длинная белая вуаль является оберегом от потусторонних сил для невесты, находящейся в уязвимом, символически переходном состоянии.

Красный цвет. В народной культуре обнаруживается экспликация «положительных» и «отрицательных» коннотаций данного цветообозначения. Так, в словаре символов «Славянские древности» выделяются следующие основные символические значения красного цвета в славянской культуре: жизни, солнца, плодородия, здоровья; береговая семантика и негативная, связанная с потусторонним миром, хтоническими и демоническими персонажами [4].

Семантика жизни, молодости. В свадебном обряде красный цвет чаще всего объективирует семантику жизни, здоровья, молодости девушки. Наиболее ярко данная семантика реализуется в элементах обряда, направленных на выявление честности – нечестности невесты. «Обрядовые метафоры чести, с помощью которых сообщается добрая весть о том, что невеста была девственна (*честная, хорошая, совестная*), так или иначе варьируют мотив красного цвета» [8. С. 63–64]: красный фартук, платок, ленты, веник, флаг или любой кусок ткани (*материала, товара*).

Диалектный материал говоров Среднего Приобья обнаруживает контекст, актуализирующий символическое употребление красного в кулинарном коде: *Ну если невеста самостоятельная, то красная бутылка [красное вино или настойка], красная лента, а если несамостоятельная – белый платочек привяжут* (Молч.). Здесь реализуется символическая оппозиция «красное – белое» на второй день свадьбы после брачной ночи. В зависимости от исхода брачной ночи честность – нечестность невесты кодируется при помощи различных словесных символов, отражающих культурную норму (красный цвет) – не норму (белый цвет).

а) Молодых обмахивают красными или белыми тряпками: *Спать кладут [молодых], потом поднимают утром. Потом красными тряпками машут или белыми – все было же* (Том. Верш.).

б) Веник для омовения невесты в бане утром после первой брачной ночи наряжали красными лентами и цветами: *А после первой ночи молодуху крестны поведут* [в баню]. *Да веник-то красным нарядут* (Том. Шег.).

в) Также при установлении честности невесты лошадей на второй день свадебного обряда украшали красными лентами, платками: *Этот конь весь в красном, значит, невеста честная* (Молч.); *Тогда уж кругом красные ленточки навешают* (Баранцево). Данную семантику наряду с лентами в свадебном обряде имели лексемы «флаг», «цветы»: *На конях, все намахивают красными флагами. И цветами-то и большими красными флагами-то. Все намахивают и наплясывают* (Том. Верш.). *А вот уж как после венца, привязывают красный флаг на дугу* (Том. Верш.).

Известны общерусские контексты, демонстрирующие употребление лексемы «красная» применительно к девушке брачного возраста в значении «красивая, молодая» (*красна девица*). Говоры Среднего Приобья также содержат данное словоупотребление: *Не плачь, девка, не плачь, красна* [9. С. 88]. Подобное значение в лингвистике соотносится с семантикой общеславянских корней *-*kras, -*kvet*, синонимичных по своей природе [10].

Черный цвет. В народной культуре черный цвет имеет символическую семантику оберега, таким образом, предметы черного цвета выполняли функцию апотропея. Так, в говорах Северного Прикамья одежды черного цвета обладают характеристиками защиты, покровительства. Оборонительность черного цвета проявляется в ритуале привязывать на оглоблю свадебной повозки черную ленту или раскрашивать оглобли черным цветом. Черного цвета платок надевался на голову невесты после расплетания девичьей косы [5].

В говорах Среднего Приобья черный цвет чаще всего присутствует в оппозиции с белым и актуализирует различную семантику.

1. Обережная семантика. Цветообозначение «черный» встречается в описании свадебного поезда, кото-

рый, как и все атрибуты свадьбы, должен быть украшенным, красивым. При этом особое внимание уделялось коням, составляющим поезд: *Все кони были вороные, все черны, в цветах все были, сбруя была красива* (Том. Верш.). Так, черный в данном контексте имеет семантику апотропея: черные кони символически перевозили невесту из одного мира (своего, родного) в другой (принадлежащий жениху, чужой) и выполняли охранительную функцию на данном пути.

2. Семантика переходности. Традиционно костюм жениха описывается как черно-белый: *Жаних – черный костюм, бела рубаха* (Том. Верш.). При этом окрашенные в черный цвет предметы, как и лексические единицы, их называющие, сигнализируют о статусе субъекта, находящегося в переходном состоянии между посюсторонним и потусторонним мирами.

Важно отметить, что в контекстах, описывающих свадьбу, присутствует подробное описание наряда невесты, в то время как костюму жениха придается второстепенное значение, так как «по своему исконному смыслу обряд является женской инициацией» [11. С. 87]. Таким образом, главное действующее лицо в свадебном обряде – невеста, это подчеркивается и соответствием цвета рубашки жениха цвету платья невесты, а не наоборот: *Рубашка у жениха в свет [цвет] с платьем невесты* (Том. Батур.).

Итак, цветовая картина мира в народной культуре основывается на триаде белый – черный – красный. Каждый из данных цветов актуализирует свое символическое значение в определенном эпизоде свадебного обряда и не всегда обладает фиксированной семантикой. Так, экспликация символического значения происходит посредством формирования символических оппозиций «белый – черный», «белый – красный», а также может меняться в зависимости от эпизода обряда. Цветообозначения в народной культуре репрезентируют модель мира, целостную модель бытия, а их символическая семантика передает духовный опыт, накопленный этносом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башарина А.К. Семантика цветообозначения в фольклорных текстах (опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 19 с.
2. Вардзелашвили Ж.А. Символизация обыденного в языковой картине мира // *ACTA LINGUISTICA*. Тбилиси, 2009. С. 64–70.
3. Подюков И.С. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь, 2004. 359 с.
4. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. 584 с.
5. Геннеп ван А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Восточная литература, 1999.
6. Кормина Ж.В., Штырков С.А. Мир живых и мир мертвых: способы контактов (два варианта северорусской традиции) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М. : Индрик, 2001. С. 75–76.
7. *Вершининский словарь* / под ред. О.И. Блиновой. Т. 1–7. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002.
8. Кабакова Г.И. Полесская народная антропология: женский текст // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М. : Индрик, 2001.
9. *Полный словарь сибирского говора* : в 4 т. / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993–1995.
10. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М. : Индрик, 2008. 528 с.
11. Зуева Т.В., Курдан Б.Т. Классический фольклор // *Русский фольклор* : учеб. для высших учебных заведений. 3-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2001. С. 71–94.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 марта 2012 г.